

О. С. Соина¹

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ О «РУССКОМ МИРЕ»

Применимо ли сравнительно недавно появившееся в нашем социально-политическом обиходе словосочетание «русский мир» к чрезвычайно сложной в духовном, идейно-концептуальном и мировоззренческом плане поэтике Ф. М. Достоевского, да и вообще ко всему его художественному и философско-публицистическому наследию? Насколько оно отражает удивительно многомерную и никогда не поддающуюся однозначному идеологическому «выпрямлению» динамику его умонастроений, всегда внутренне парадоксальную, но тем не менее удивительно целостную и единую именно по отношению к тому, что наряду с самыми сокровенными его религиозными исканиями было одной из величайших тем его творчества, а именно к пониманию России и русскости как фундаментальных социокультурных проблем общеевропейского значения, а может быть, и всего человечества в целом?

Чтобы сколько-нибудь приблизиться к осмыслению этих вопросов, попытаемся определить само понятие «русский мир» и соотнести его с художественной и философско-религиозной вселенной Ф. М. Достоевского. Для этого нам, по-видимому, следует идти от противного, определяя то, чем «Русский мир» не может быть ни при каких обстоятельствах.

Во-первых, «Русский мир» ни в коей мере не означает собой жестко фиксированную этническую общность, некий союз «крови и почвы», ибо во всеедином многообразии объемлет все этносы и народности, населяющие Россию, объединяемые не узкоэтническими спецификациями (привычками, бытом, устоями и особенностями существования и хозяйства), но преимущественно и в основном — *родством по духу*, то есть трудноуловимой эмпирически, но всегда абсолютно реальной способностью строить и понимать жизнь в едином мировоззренческом ключе, на основе фундаментальных духовно-нравственных предпочтений: веры, любви, борьбы, способности переносить страдания и скорби, актов самопожертвования и деятельного милосердия, не отменяющих, впрочем, и некоторых негативных проявлений, зачастую изменяющих цивилизационные представления отдельных геополитических соседей.

Во-вторых, «Русский мир» ни в коей мере нельзя считать некой твердо определенной геополитической данностью уже хотя бы в силу того, что сугубо территориальные границы большой России неоднократно менялись в течение трех предыдущих столетий, и потому считать их окончательно устоявшимися именно сейчас нет никаких оснований. Более того, разве не от-

носятся к «Русскому миру» многие величайшие представители национальной культуры, волею судеб оказавшиеся за пределами России и в начале XX века, и в конце его, но сумевшие сохранить удивительную верность национальному мироощущению в тяжелейших жизненных испытаниях?! И наконец, разве не разделяют с нами многие духовные откровения «Русского мира» представители других народов и стран? Словом, явно не укладываясь в жестко фиксированные политические границы и номинации, «Русский мир» представляет собой некую сложную экстерриториальную общность, то расширяющуюся, то сужающуюся согласно не вполне рационально постижимым «зигзагам истории» (Л. Н. Гумилев), но всегда внутренне единую и в фундаментальных основаниях мировоззрения, и в писанных и неписанных формах и принципах политического и гражданского мироустройства, и во внутреннем духовно-нравственном и душевно-психологическом устройстве человека, никоим образом несводимом к архаизированным привычкам быта или сугубо «народным» («этнографическим») приемам жизни и творчества.

Именно поэтому «Русский мир», особенно в художественном творчестве и философско-публицистических воззрениях русских мыслителей, никоим образом не может быть сведен к чему-либо узкоэтнографическому, например к скрупулезному описанию форм народного быта (от балалайки и Камаринской до сарафана и армяка включительно) или к некому идеализированному воспроизведению духовного склада или мировоззрения русского мужика — будь то Хорь и Калиныч И. Тургенева или Платон Каратаев Л. Толстого. И если Хорь и Калиныч могли существовать в действительности (с известной степенью идеализации), то Платона Каратаева и ему подобных, как некогда отмечал И. Солоневич с глубоким и оправданным временем сарказмом, «как исторического явления в России не существовало: было бы нелепостью утверждение, что на базе непротивления злу можно создать империю на территории двадцати двух миллионов квадратных верст»².

Словом, «Русский мир», как и сама Россия, представляет собой нечто чрезвычайно многообразное, всеобъемлюще разностороннее, но при этом удивительно целостное и единое в своих фундаментальных духовных и жизненных проявлениях, и эта *монолитность в чем-то текущем до необъятности* действительно не могла не стать предметом живейшего творческого интереса великих национальных гениев слова и мысли, одним из которых являлся Ф. М. Достоевский. Есть основания полагать, что он вполне бы согласился с парадоксальным и восхитительно ироничным суждением одного из героев почти конгениального ему по степени дарования и духовной проницательности М. А. Булгакова — генерала Чарноты, витийствующего перед парижскими клошарами: «Россия не вмещается в шляпу,

¹ Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» (в соавт.), «Аберрации совести» (в соавт.), «Культурообразующее значение этики Сократа», «Онтология совести» (в соавт.), «Метафизические и антропологические основания этики Ф. М. Достоевского» (в соавт.) и др.

² Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991. С. 31.

господа нищие!»). Как это ни парадоксально, но этот вечно пьяный генерал, то ли герой, то ли сутенер, то ли вечный игрок, то ли постоянный скиталец по городам и весям России и зарубежья, удивительно близкий по мироощущению «беспорядочным» русским персонажам Достоевского (от генерала Иволгина до Мити Карамазова), почти пророчески предсказывает роковую «невместимость» «Русского мира» в жестко клишированные формы западноевропейского существования, постепенно ветшающие и обнищывающие в силу неумолимой «антилогик» бытия и именно поэтому жестко и неумолимо противопоставляющие себя любым формам «русскости», где бы они ни встречались и в каком бы виде себя ни проявляли.

Но где же нашел Ф. М. Достоевский свой «Русский мир»? Какими качествами его восхитился и о каких скорбел и переживал? И почему, наконец, именно в нем он увидел некую духовную и социально-гражданскую альтернативу западноевропейской цивилизации?

Как ни фантастично это прозвучит для современных читателей и комментаторов Достоевского, но свой «Русский мир» он нашел, увидел и полюбил, а полюбив, понял и принял его всей душой именно... на каторге, среди преступников, то есть отбросов и отщепенцев русского народа, среди которых оказались самые разные социальные типы: и отпетые негодяи (чудовищные по характеру своих злодеяний и в духовном, и в моральном смыслах); и слишком пылкие и страстные русские люди, попавшие волею судьбы, как Митя Карамазов, в неблагоприятные обстоятельства жизни; и носители огромного, почти беспредельного русского своеволия, которого не могли укротить даже самые нечеловеческие испытания; и знаменитые русские «безобразники», совершавшие преступления либо по пьянству, бесхарактерности или дурному влиянию; и, наконец, инородцы из кавказских горцев, замешанных в антиправительственных действиях; и даже некоторые представители древнего народа (еврей Исая Фомич), уличенные в финансовых махинациях.

Строго говоря, ужиться с этим разношерстным и малопривлекательным народом такому рафинированному и утонченному интеллигенту, каким был молодой Достоевский, не было никакой возможности, если бы не одно примечательное обстоятельство: именно в этой уникальной среде он парадоксальным образом восчувствовал свою «русскость» и, есть все основания полагать, в какой-то мере благодаря этому с таким трудом обретенному качеству сумел остаться «своим», выжить и прирасти духовно в этой истинно уникальной атмосфере.

Надо сказать, что все эти обретенные им русские качества, свойства, черты, характеристики «Русского мира» Достоевский чрезвычайно ценил, боролся за них всеми силами души, пером и словом и защищал их до последнего дня своей жизни.

Но какие же качества «русскости» вынес Достоевский из каторги и как он их воплотил в своем глубоко парадоксальном, но тем не менее чрезвычайно достоверном (и духовно, и эмпирически) понимании «Русского мира»?

Во-первых, без ложной брезгливости и напускного сострадания он уяснил, что русский, даже пережива-

ющий крайнюю степень морального и социального падения, есть *глубоко религиозный тип*. Поэтому сознание своей «падшести» никогда не оставляет его ни в минуты относительного благополучия, ни уж тем более — в местах не столь отдаленных (в тюрьме и на каторге). Это очень русское понимание того, что от «сумы и от тюрьмы не зарекайся», впервые представило перед ним во всей многомерности духовных смыслов, предуготовляющих человека к тому, что и грех, и уж тем более преступление — отнюдь не конец жизненного пути человека, но всего лишь роковое несчастье, которое можно изжить и пережить, вовремя обратившись к Богу, не отвергающего никого и ничего и уж тем более — души кающегося преступника. Более того, именно в остроге он постиг, что чисто юридическая персоналистичность преступника для русского не значит ничего или значит очень мало, ибо «единичность» узкоправового вменения означает разрыв духовной целостности человечества, целостного и единого и в грехе, и в благодати. И это поразительное открытие, что в любом русском, какие бы испытания он ни переживал, продолжает вопреки всему жить вера в Христа-Спасителя, сподвигло писателя впоследствии на парадоксальнейшее умозаключение: «Русский народ — богоносец», по существу означающее отнюдь не иступленную религиозность русского национального самосознания и уж тем более не обрядоверие, но всегдашнюю готовность жертвенно и самозабвенно идти страдальческим путем Христа, принимая Его, не отрекаясь от Него и пытаясь наполнить мучительной сладостью этого переживания все земное бытие человека.

Во-вторых, именно на каторге Достоевский постиг удивительную способность «Русского мира» к аккумуляции, впитыванию самых различных впечатлений жизни, разнообразных идей и отголосков действительности, то перекликающихся, то спорящих, то дополняющих друг друга, но вместе с тем способных «уживаться» в удивительно целостное и гармоничное, где воистину «все берега сходятся и все противоречия вместе живут». Поэтому в подлинном, а не в иллюзорном (то есть придуманном отвлеченным и узкоидейным сознанием отечественного интеллигента) «Русском мире» нет ни сословной, ни ожесточенно политической, ни уж тем более интеллектуальной вражды. Здесь воистину все понимают и принимают друг друга, странно объединенные непостижимой, почти иррациональной любовью к России и готовностью жить ради нее и вместе с нею, подобно тому как интеллектуал Достоевский жил с русскими разбойниками и оступившимися мужиками, не презирая их, но скорбно и терпеливо осуществляя общее дело жизни. Именно вследствие этой истинно уникальной способности все понимать, все разделять, всем увлекаться и, наконец, в итоге всему находить и время, и место подлинный «Русский мир» в непостижимой духовной своей глубине есть парадоксальнейшее «всепримирение идей», к которому вопреки всем разделяющим и обособливающим тенденциям времени всегда стремились и будут стремиться наиболее одаренные именно в национально-устойчивом смысле политики, полководцы, деятели культуры, писатели, ученые, словом, все те, на которых так

или иначе «опочило» духовное делание Ф. М. Достоевского.

В-третьих, «Русский мир» Ф. М. Достоевского, увиденный, восчувствованный и впервые по-настоящему понятый им в местах не столь отдаленных, а затем воссоединенный со всем необъятным пространством русской жизни, в действительности заключал в себе еще одно удивительное качество, названное им впоследствии в Пушкинской речи всечеловечностью. Будучи чрезвычайно многослойным, как идейно, так и семантически, весьма неоднозначно встреченное многими философами, публицистами и общественными деятелями, оно, на наш взгляд, если не углубляться в разного рода интеллектуальные рефлексии, таит в себе чрезвычайно простое и вместе с тем глубоко уникальное свойство русского национального типа, в полной мере проявляющее себя в формирующейся сейчас идеологии «Русского мира» и ее крайне простых эмпирических «наполнениях».

Так, всечеловечность русских, пусть даже пребывающих в крайних формах социального унижения, — это не только крайне редко встречающийся у глубоко одаренного народа дар творческой эмпатии, способности впитывать и воспринимать как свое и родное решительно все коллизии и драматизмы бытия практически всех стран и народов (отчего никогда не бывший в Ев-

ропе Пушкин сумел проявить себя как безукоризненный европейец, особенно в зрелом периоде своего творчества), но преимущественно и в основном — истинно духовное умение не различать чужое и свое как нечто абсолютное и непререкаемое и потому не имеющее в действительной жизни решительно никаких точек соприкосновения. Поэтому истинный носитель «Русского мира» (во всяком случае по Достоевскому) всечеловечен той щедрой и благородной полнотой участия и переживания, которая во многих бытовых случаях переходит в радостную готовность помочь (почему не помочь, если я могу и в силах?!), а в сфере духовно-нравственных отношений — отдать и поделиться своим с чужими, воспринимая чужих уже не просто как своих, но как братьев «по Христову евангельскому закону». Будучи весьма сложным даром и зачастую обременительным в сугубо эмпирическом плане, эта всечеловечность русских в действительности оборачивалась великим даром построения уникальной исторической общности, то есть «Русского мира» не на бумаге, а в жизни, неуклонно отстраивающего себя и в геополитическом пространстве, и на земле, в русском воздухе и «почве», и в необъятном вместилище русской мысли (идей, образов, смыслов, контекстов и восприятий), которое также оставил нам в наследие Ф. М. Достоевский.